УДК 94:378.091:37.018.3(477.6)"1943/1950"
https://doi.org/10.36906/KSP-2021/25

Соловей М.А., *канд. ист. наук*
Донецкий национальный университет
г. Донецк, Донецкая Народная Республика

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ КАДРАМИ ДЕТСКИХ ДОМОВ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1950 гг.

Аннотация. Статья посвящена проблемам комплектования педагогических коллективов детских домов Сталинской области в послевоенный период. Автор на основе архивных документов раскрывает недостатки и сложности кадровой политики отделов народного образования.

Ключевые слова: детские дома; педагогические работники; народное образование.

Solovey M.A., *Ph.D.*
Donetsk National University
Donetsk, Donetsk People's Republic

THE RECRUITMENT OF PEDAGOGICAL PERSONNEL FOR ORPHANAGES OF THE STALIN OBLAST DURING 1943–1950

Abstract. The article is devoted to the problems of recruitment of pedagogical collectives of orphanages of the Stalin region in the post-war period. By using archival documents, the author reveals the shortcomings and difficulties of the personnel policy at the departments of public education.

Key words: orphanages; teaching staff; public education.

Детская беспризорность, безнадзорность, бродяжничество приобрели угрожающие масштабы на всем постсоветском пространстве. По мнению экспертов, сегодня беспризорничество по своему размаху вполне сопоставимо с аналогичным явлением советской истории второй половины 40-х годов прошлого века. В то непростое время государство сумело в сравнительно короткие сроки убрать детей с улиц, дать им образование и профессию, адаптировать к жизни. Фактически, те же задачи встали перед обществом и в наши дни: дети, оказавшиеся жертвами, в том числе, и социального сиротства, по-прежнему нуждаются в направлении в учреждения социальной защиты, обучении и социализации.

Процесс восстановления сети детских домов, начавшийся на территории Сталинской области уже с осени 1943 года, вскоре после ее освобождения от немецко-фашистских захватчиков, сразу же столкнулся с проблемой нехватки кадров. Во-первых, зачастую на

CC BY

местах после активных боевых действий просто не могли найти специалистов соответствующей квалификации. Во-вторых, лица, остававшиеся в 1941–1943 гг. на оккупированной территории, на руководящие и педагогические должности назначались только после соответствующей проверки. Так, в документах Сталинского обкома КП(б)У встречаются справки из райкомов о недопущении на педагогическую работу учителей по причине «плохого поведения в период немецкой оккупации района» [5, л. 97]. Поэтому кадровые назначения часто проводились поспешно, с целью поскорее закрыть вакансию. Это привело к тому, что в первые годы изучаемого периода на должности воспитателей и даже завучей и директоров детских домов нередко зачислялись лица, не имевшие педагогического образования и соответствующего опыта работы, а порой и вовсе никогда не работавшие с детьми. Областной и районные отделы народного образования заботились прежде всего о том, чтобы укомплектовать штат, не предъявляя особых претензий к качественному составу работников.

Сталинский обком ЛКСМУ, проанализировав в 1944 г. кадровый состав педагогического состава детдомов, пришел к выводу, что «50% имеющихся в наличии воспитателей подлежат замене в связи с тем, что не имеют соответствующего образования и подготовки. Из 27 директоров необходимо заменить 9 человек, которые не обеспечивают должного руководства детдомами» [9, л. 13]. Поскольку специалистов с соответствующим образованием подобрать было очень сложно, на работу в детские дома часто посылали молодых активистов по комсомольским путевкам. Например, Мариупольский горком ЛКСМУ в начале 1944 г. направил в детдома города 7 лучших комсомольцев [4, л. 16].

Однако это могло стать лишь временным и частичным решением кадровой проблемы. Поэтому по распоряжению Сталинского обкома партии с 1944 г. началась работа по подготовке и переподготовке педкадров через систему кратковременных курсов. В результате к сентябрю 1945 г. в области для системы народного образования таким образом было подготовлено 990 специалистов, из которых около 20% были направлены на работу в детдома. Кроме того, по инициативе обкома партии, развернулась кампания по возвращению в систему народного образования учителей, которые работают не по специальности [13, л. 4].

Для ускоренной подготовки новых педкадров при шести лучших женских средних школах республики согласно постановлению СНК УССР и ЦК КП(б)У от 13 сентября 1945 г. были организованы специальные одиннадцатые педагогические классы [10, с. 81-82]. В них без экзаменов принимались девушки, закончившие среднюю школу и получившие аттестат. Через год обучения их приравнивали к выпускникам педучилищ и направляли на работу. Одной из таких «кузниц кадров» стала Мариупольская СШ № 10, которая обеспечивала педагогами детские учреждения Сталинской области [11, л. 2].

Однако даже после реализации всех этих мер в детдомах на педагогических должностях все равно оставалось работать много случайных людей. Областной, городские и районные отделы народного образования заботились, прежде всего, чтобы укомплектовать штат, не предъявляя особый требований к качественному составу педработников. Нередко решающим

аргументом в пользу назначения директором, завучем или воспитателем детского дома того или иного лица была его партийность или недавняя демобилизация из армии.

Негативные последствия такого подхода к решению кадровых вопросов выявились достаточно скоро. Проверки, проведенные финансовыми органами и сектором детдомов облОНО в 1945–1946 годах, выявили немало случаев, когда директора и завучи полностью самоустранялись от руководства, использовали антипедагогические методы воспитания, допускали хищения и растраты, проявляли бесхозяйственность и неспособность к руководству. Так, из 12 детдомов области, подвергшихся бухгалтерским ревизиям в 1945 году, лишь в двух дела обстояли благополучно. В остальных десяти были обнаружены недостатки и злоупотребления. Например, в Сталинском детдоме директора (кстати, не имевшего соответствующего образования и опыта работы) уволили с должности за бесхозяйственное отношение к имуществу. На директоров Ульяновского и Селидовского детских домов были наложены штрафы за значительные финансовые нарушения. Но более всего недостатков было выявлено во время проверки Павловского детского дома, в котором воспитанники пребывали в очень тяжелых санитарно-бытовых условиях из-за полного самоустранения от руководства директора Черкашиной. За злоупотребления ее не просто сняли с должности, но и осудили на 8 лет [1, л. 2].

В 1946–1947 году ситуация только ухудшилась. Хищения констатировала, по сути, каждая проверка. Чаще всего в это время в детских домах выявляли кражи продуктов или прием на содержание детей без направлений органов народного образования. Обычно это были дети работников детского дома или их родственников и знакомых. Такие выводы были сделаны в ходе всех одиннадцати ревизий, проведенных облОНО в 1946 и десяти – в 1947 году. Руководители всех без исключения проверенных детских домов были уличены в присвоении продуктов питания.

Нередки были и случаи беззастенчивого воровства из детских домов с целью личного обогащения. За это руководители учреждений отвечали уже не перед облОНО, а перед органами правосудия. Например, директор и бухгалтер Селидовского детского дома за разбазаривание продуктов питания на сумму в 28 тысяч рублей были не только сняты с работы, но и осуждены на разные сроки заключения. По результатам проверок, проведенных в 1946 году, были наложены административные взыскания на 4 руководителей детских домов, а 12 вообще были сняты с работы. Кроме того, в следственные органы передали 8 дел на 17 человек. В 1947 году «перетряхивание» руководящих кадров продолжилось. За первое полугодие с целью укрепления руководства детскими домами облОНО заменил еще 10 директоров, 12 завучей и 21 воспитателя [2, л. 254-261, 270].

На недобросовестное отношение руководителей детских домов к своим обязанностям обратила внимание даже прокуратура. 16 сентября 1947 года прокурор области направил специальное постановление заведующему облОНО, в котором отметил, что факты злоупотреблений со стороны работников детдомов (обвешивания детей, присвоение продуктов) приобрели массовый характер. Он потребовал, чтобы областной отдел народного

образования наладил контроль за расходованием материальных ценностей в подведомственных учреждениях. Для этого облОНО совместно с контролером КРУ и инспектором госторга следовало в течение полутора месяцев провести ревизии во всех детских домах, а материалы их вместе со своими выводами направить в прокуратуру [2, л. 262].

Министерство просвещения Украины также выразило свою озабоченность сложившимся положением. В августе 1947 года оно направило в Сталинскую область инспектора, который в течение двух недель обследовал работу сектора детских домов облОНО. По итогам этой проверки от работы были освобождены еще 5 директоров и 10 завучей. Результаты обследования по 3 детдомам обсуждались на бюро горкомов и райкомов КП(б)У, по 13 детдомам – на исполкомах горрайсоветов. Общий вывод министерской проверки гласил: «облОНО недостаточно изучает педкадры детдомов, недостаточно занимается укомплектованием кадрами детских домов, недостаточно контролирует работу директоров и завучей» [1, л. 5, 34-35].

Выводы инспектора министерства просвещения и целая череда судебных дел, возбужденных в отношении директоров, завучей, бухгалтеров и других работников детских домов, заставили облОНО в 1947 году впервые за послевоенный период иначе взглянуть на проблему подбора кадров. Так, облОНО начал обращать внимание на качественный состав педагогических кадров детских домов, на наличие базового образования.

Впервые за послевоенные годы в декабре 1947 года были собраны и систематизированы данные об уровне образования педработников. Они позволили выяснить, что из 97 директоров детских домов области только 23 человека (около 24%) имели высшее и незаконченное высшее образование, причем далеко не всегда – педагогическое. Еще у 65 руководителей было среднее педагогическое и общее среднее образование, а 9 – не имели и того. Иными словами, почти 10% директоров сами были людьми малообразованными, имевшими за плечами по 5-8 классов. Анализ их анкетных данных показал, что все они состояли в партии, некоторые при этом еще закончили совпартшколу. Видимо, поэтому они считались универсальными управленческими кадрами, подготовленными к руководящей работе в любых организациях [14, л. 100-101].

Правда, следует отметить, что, начиная с того же 1947 года, в подходе к кадрам намечается еще одна новая тенденция: отдел народного образования отказался от распространенной прежде практики считать членство в партии или фронтовые заслуги достаточным основанием для пребывания на руководящей должности в учреждениях народного образования. Эти анкетные данные, как и раньше, высоко котировались и усиливали конкурентоспособность претендента. Однако они перестали служить своего рода индульгенцией при оценке работы. В материалах проверок 1947 года начинают встречаться критические характеристики деятельности таких «специалистов»: «Завуч Кондратьевского детского дома Карасев М.Д., имеющий незаконченное высшее образование, член ВКП(б), работы детского дома не знает, не учится, не руководит учебно-воспитательной работой,

ничего не читает… Директор детского дома Белоус Н.А. имеет незаконченное высшее образование, демобилизованный, офицер Советской Армии, не уделяет внимания воспитательной работе...». Правда, справедливости ради, следует отметить, что этого раскритикованного директора не только оставили в должности, но и назначили ему в помощь опытного завуча, который взял на себя решение всех учебно-воспитательных проблем. А Белоус Н.А. сосредоточился на хозяйственных вопросах [1, л. 5 (оборот)].

Впоследствии большинство таких «демобилизованных» директоров заочно приобрели педагогическое образование и, вместе с ним, легальное право занимать свои руководящие кресла. При этом фронтовое прошлое по-прежнему служило им защитой в сложных ситуациях, возникающих на работе. Весьма показателен в этом отношении пример директора Больше-Новоселковского детского дома Крутько В.Н. Он 5 февраля 1952 года явился в облОНО в пьяном виде и нанес оскорбления работникам и посетителям отдела народного образования. Конечно же, этот безобразный случай стал предметом разбирательства, и первоначально заместитель заведующего облОНО настаивал на освобождении Крутько В.Н. от работы – в документах сохранилась соответствующая резолюция.

Однако проштрафившийся директор написал пространную объяснительную записку, которая заставила руководство отдела народного образования пересмотреть свою точку зрения: "5 февраля я в нетрезвом виде явился в облОНО и вел себя нетактично. Это получилось следующим образом: будучи в отпуску, я ехал к брату в Ворошиловград. По дороге, вследствие неблагоприятных условий поездки (а я ехал в кузове автомашины и был одет плохо) появилась необходимость выпить. После этого я встретил своего фронтового товарища – мы тоже выпили. Так как я много никогда не пил и под влиянием отпуска – выпил сверх нормы. Организм мой очень слабый: я инвалид Отечественной войны. Вследствие тяжелого ранения я с 1945 по 1948 г. не работал по специальности. С 1949 г. работаю директором детского дома. Нервы расшатаны и в нетрезвом виде не смог собой руководить. Такой случай произошел со мной впервые.

Прошу учесть состояние моего здоровья и обстоятельства, которые привели меня к этому глупому поступку и смягчить наказание. Материально я живу не очень хорошо, хозяйства никакого нет, живу только зарплатой (635 руб. на 4 человека) и если я останусь без работы – мне угрожает серьезная опасность. Я согласен, чтобы меня перевели на другую работу с начала нового учебного года. Подобных случаев со мной больше не будет. Свою ошибку признаю и еще раз прошу, чтобы мне смягчили наказание" [12, л. 38-41].

То, что директор, объясняя свое пьяное хулиганство, ненавязчиво упомянул про фронтовое прошлое, тяжелое ранение и связанную с ним инвалидность, возымело действие. Заведующий облОНО сменил гнев на милость: Крутько объявили строгий выговор с предупреждением, но оставили при должности. И это несмотря на отсутствие базового образования, педагогических заслуг и учиненный им пьяный дебош. Таким образом, очевидно, что, несмотря на активно проводимую линию на улучшение качественного состава

директоров детских домов, при оценке профпригодности ответственных работников по-прежнему продолжали учитывать «субъективный фактор».

В конце 40-х годов проблема подбора руководящих кадров в детские дома вышла за пределы интересов только органов народного образования. Постановление Совета Министров СССР от 24 февраля 1948 г. поставило перед местными органами задачу усилить контроль за деятельностью детдомов, поэтому их директоров с 1949 года начали утверждать в должности на заседаниях облисполкома [6, с. 18-19]. Однако работа эта велась очень медленно и не повсеместно. Так, к началу 1951 года из 99 директоров были утверждены лишь 34, то есть чуть более трети от общего числа. Все они работали в детдомах, принадлежавших Министерству просвещения – таковых было 59. Ведомственные детские дома – их насчитывалось 40 – работали фактически бесконтрольно.

На недопустимость такого положения указал инспектор Министерства просвещения, проверивший работу сектора детдомов облОНО в 1951 году. Он выяснил, что в Сталинский области более половины всего директорского корпуса по своим анкетным данным по-прежнему не соответствовало занимаемой должности. Высшее педагогическое образование имело лишь 8 руководителей; незаконченное высшее – 15; среднее педагогическое – 28. Остальные директора имели образование «ниже среднего» [1, л. 85-86]. Иными словами, около половины всех директоров детских домов (48,5%) по своему образованию по-прежнему не отвечали требованиям министерства.

Кстати, изредка малограмотность отдельных директоров становилась предметом обсуждения как в облОНО, так и в ходе педагогических мероприятий. К примеру, на областном совещании работников детских домов в 1951 году была зачитана записка директора Первомайского детского дома, в которой он допустил около десятка орфографических и пунктуационных ошибок. Заместитель председателя исполкома Сталинского областного совета депутатов трудящихся Шершнева, озвучившая этот «документ», подчеркнула, что облОНО необходимо усилить работу с кадрами, чтобы в детдомах не было безграмотных директоров и воспитателей, имеющих крайне низкий образовательный и культурный уровень [8, л. 79, 83]. Однако никакого результата это общее педагогическое негодование на областном уровне не дало – малограмотный руководитель сохранил свое рабочее место, да и общий характер кадровой работы облОНО не изменился.

Низкий уровень руководства объяснялся не только нехваткой образования у многих директоров детдомов, но и недостаточным профессиональным опытом. Только у четырех был стаж педагогической работы свыше 10 лет. Еще 9 человек работало в системе народного просвещения от 5 до 10 лет. А 35 руководителей детдомов вообще относилось к категории «новичков» – они имели педагогический стаж менее трех лет [8, л. 87-91].

При этом среди руководителей детских домов отмечалась большая текучесть кадров. Так, в 1950 году была заменена третья часть всех директоров детских домов Министерства просвещения (20 из 59) – по причине злоупотреблений; за неумение организовать работу; за необеспечение руководства детдомом; из-за отсутствия педобразования.

CC BY

Пытаясь выяснить причины такого ненормального положения с руководящими кадрами, инспектор министерства пришел к выводу, что имели место неоднократные случаи направления на работу директорами детдомов лиц, непроверенных на педагогической работе в области или скомпрометировавших себя и потому уволенных в других областях. Видимо, во всех этих случаях главным аргументом были соответствующие знакомства, протекция и пресловутая номенклатурная система, сложившаяся еще в 30-е годы. Потому что личностные качества граждан, назначаемых на должности директоров детдомов, не давали никаких оснований надеяться на их успешную работу на новом, педагогическом поприще. И, тем не менее, скомпрометировавшие себя люди вновь оказывались на «хлебных местах» директоров детских домов, поближе к продуктам и материальным ценностям, которыми они распоряжались достаточно свободно и явно в свою пользу.

Такой подход областных органов к назначению руководящих работников детдомов подвергся вполне обоснованной критике со стороны инспектора министерства просвещения. Он отметил, что, несмотря на постановление правительства, решения облисполкома и многочисленные директивные указания и приказы Министерства просвещения УССР об укомплектовании детских домов руководящими кадрами, в Сталинской области эту проблему закрыть не смогли.

Не лучше оказалась ситуация в детдомах и с воспитателями: оставалось достаточно много вакансий. Так, к началу 1951 года вместо 696 человек, положенных по штату, реально работало лишь 614. Недоукомплектация кадрами, таким образом, составила около 12%. При этом образовательный уровень воспитателей был еще ниже, чем у директоров. Из общего числа воспитателей высшее педагогическое образование имели лишь 6 человек, незаконченное высшее – 22, среднее педагогическое – 285. Таким образом, 301 человек, то есть почти половина лиц, работавших воспитателями в детских домах, вообще не имели педагогического образования, а значит – и права работать с детьми. Среди этих «неспециалистов» заочно обучалось лишь 54 воспитателя. Следовательно, остальные 247 занимали свои должности незаконно и подлежали замене [1, л. 89-91].

Решить проблему с привлечением дипломированных специалистов в детские дома можно было за счет направления на работу выпускников педучилищ области – этот вопрос находился в компетенции облОНО. Более того, согласно требованиям министерства, все кадровые решения по детдомам должны были принимать исключительно областные отделы народного образования. Однако в Сталинской области порядок назначения и увольнения воспитателей, установленный министерством просвещения, грубо нарушался – примерно половина всех педагогических работников в детские дома назначалась в обход этого правила.

Например, в 1950 году из 122 воспитателей, направленных на работу в детдома, только 66 имели рекомендации облОНО. При этом реально к месту назначения добрались лишь 38. Остальные 28 человек даже не приступили к работе. Оставшиеся вакансии – 84 ставки – были заполнены по направлениям горрайОНО. Именно по этому каналу в детдома нередко попадали лица, не имевшие педагогического образования и стажа работы в учреждениях

народного образования. Так, в 1950 подобным образом в штаты педработников детдомов было принято 19 человек. Например, в Великоновоселковский и Старо-Крымский детдома соответствующими райсоветами было направлено по 4 воспитателя – все как один без педагогического образования.

В некоторых случаях горрайОНО давали соответствующие рекомендации на должности воспитателей людям, не закончившим даже восьмилетку. Так, в Ждановский детский дом городской отдел народного образования порекомендовал на работу воспитателем некоего Сидорова, имеющего за плечами всего 7 классов. Такой же уровень образования имела воспитатель Иванова, которую направили на работу в Снежнянский детский дом по распоряжению горОНО. Порой отделы народного образования на местах устраивали настоящую «кадровую чехарду» в детдомах, причем без видимого улучшения их качественного состава. Благодаря этому, в Енакиевском спецдетдоме за два года сменилось 11 воспитателей, в Селидовском спецдетдоме в течение 1950 года весь состав воспитателей – 8 человек – был заменен новыми людьми. В Старо-Крымском детском доме за полгода сменилось 5 воспитателей из 7 утвержденных по штату. Однако вновь назначенные лица с работой тоже не справились, поэтому в феврале 1951 года проверяющие из области констатировали: «на сегодняшний день из-за плохого подбора весь педагогический коллектив подлежит замене».

В 1951 голу ситуация повторилась: при наличии более 100 вакансий в детдома направили только 71 выпускника. Остальные педкадры опять «подбирались» на местах [3, л.17]. При этом нередко вновь назначенные люди, не имевшие опыта педагогической работы, не справлялись с обязанностями, допускали меры физического воздействия, то есть, проще говоря, били детей.

Пользуясь бесконтрольностью со стороны органов народного образования, кадровые назначения нередко осуществляли директора детских домов. Это было грубым нарушением приказов и распоряжений вышестоящих организаций, но вплоть до комплексной проверки министерства просвещения, осуществленной в 1951 году, подобная практика не пресекалась.

Подобные факты директорского самоуправства были признаны недопустимыми. В общем, областные органы народного образования, вслед за инспектором министерства, сделали вывод: «особенно неудовлетворительно обстоит дело с комплектованием детдомов педкадрами. В детских домах работают воспитатели, не имеющие педобразования, опыта в работе, применяющие антипедагогические меры воздействия на детей. Директора хорошими воспитателями не дорожат, а стараются сохранить тех, кто “не выносит сор из избы”» [7, л. 53]. После этого кадровые назначения в детдомах областные органы стали контролировать гораздо тщательнее. Можно сказать, что с 1951 года сектор детских домов Сталинского областного отдела народного образования попал под постоянный контроль министерства. Поэтому положение с подбором руководящих и педагогических кадров в детские дома области улучшилось.

Литература

1. Акты проверки детских домов. 1946 // Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.Р-2852. Оп. 1. Д. 368. 107 л.

2. Акты ревизий детских домов 1945–1946 (1.02.1945–11.03.1946) // Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.Р-2852. Оп. 1. Д. 367. 343 л.

3. Годовой отчет о работе детских домов за 1951 год // Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.Р-2852. Оп. 1. Д. 391. 47 л.

4. Докладные записки о неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, и организации специальных ремесленных училищ и ФЗО школ. 18.03.1944–23.12.1944 // Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 875. 59 л.

5. Докладные записки, справки, информации, письма райкомов и горкомов КП(б)У, органов народного образования обкому КП(б)У об итогах оздоровления детей в летний период, о выполнении закона о всеобуче, подготовке общеобразовательных школ к новому учебному году, об обеспечении школ педагогическими кадрами. 1945 // Госархив Донецкой Народной Республики. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1072. 175 л.

6. Збірник постанов та розпоряджень уряду Української Радянської Соціалістичної Республіки. 1948. № 6. 126 с.

7. Областное совещание работников детских домов. 18-20.09.1950 // Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.Р-2852. Оп. 1. Д. 382. 99 л.

8. Областное совещание работников детских домов. 1951 // Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.Р-2852. Оп. 1. Д. 398. 177 л.

9. Отдел школьной молодежи и пионеров. Справка о работе детских домов за 1944 год // Госархив Донецкой Народной Республики. Ф. 424. Оп. 3. Д. 58. 43 л.

10. Сивець О.Г. Постанови партії та уряду про школу. К.-Х.: Радянська школа, 1947. 151 с.

11. Приазовский рабочий. 1946. 24 сентября.

12. Приказы облОНО о работе детских домов в 1952 году // Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.Р-2852. Оп. 1. Д. 399. 171 л.

13. Протокол № 131 заседания бюро обкома КП(б)У. 20 августа 1945 г. // Госархив Донецкой Народной Республики. Ф. 326. Оп. 2. Д. 714. 54 л.

14. Списки педагогических работников в школах-интернатах и детских домах за послевоенное время // Госархив Донецкой Народной Республики. Ф.Р-2852. Оп. 1. Д. 366. 158 л.

© Соловей М.А., 2021